

ГОЛОД

Роман-дневник.

Оригинал здесь: [Библиотека Магистра.](#)

25 апреля 1919 года.

Я очень люблю Петроград! Из окна вагона уже видны трубы, церкви и крыши, крыши, крыши. И над всем протянулось огромное, дымное небо. Господи, как бьется сердце! Сейчас, сейчас приеду!

Выскочила на перрон и сразу растерялась. Все кричат, бегают, суетятся. У меня с собой немного продуктов. Везу для голодного папы, а у проходных весов, кажется, реквизируют. Вокруг милиционеров столпилась целая куча. Плачут, ругаются. Неужели у меня тоже реквизируют?

Слава Богу! Через весы проскочила благополучно. Господи, как же это? На вокзальных часах уже без десяти шесть! А трамвай ходит только до шести. Мне же далеко!.. В Гавань!.. Успею ли?

Бегу через вокзал и никого не вижу. Толкаю всех без разбора. И чувствую, чувствую, как сзади позорно треплются мои жалкие две косички. Наверное, все смеются. А я еще в шляпке... Еду в Петроград, чтобы служить. Мне уже пятнадцать лет.

Как сумасшедшая, выбежала на Знаменскую площадь. Какие эти мальчишки нахалы! Так и пристают. Барышня, барышня, пожалуйте тележку!

- Ну, вы, оголтелые, пошли прочь! Вишь, барышню совсем закружили.

Поднимаю глаза и благодарю чуть не со слезами.

А лицо простодушное, широкое и румяное. Глаза замечательно добрые. И большая, русая борода. Наверное, не обманет.

- Давайте, барышня, донесу. Не сумлевайтесь, все будет в аккурат... Пожалуйте на трамвай.

- Благодарю вас, благодарю. Мне на пятый номер. Не знаю, куда... Пожалуйста... Господи, куда же вы меня сажаете? Мне же в Гавань!.. А этот куда? куда?

- Скорей, скорей, барышня! Последний прозеваете. В аккурат этот самый!.. На Васильевский!..

Слышу, на площадке говорит кто-то:

- На Васильевский, на Васильевский этот...

Слава Богу, попала. Гляжу, а мужик протягивает руку:

- На чаек-с, барышня.

И, конечно, я покраснела. Всегда, всегда краснею, когда даю кому-нибудь деньги. Вот глупая-то... Сколько же дать этому... товарищу?

Покраснела еще больше и протягиваю двадцатирублевую керенку.

- До... до... довольно?

Господи! Все лица на площадке заулыбались. Поглядывают на керенку в протянутой руке и улыбаются. Конечно, конечно, даю очень много!..

А товарищ вдруг:

- Маловато-с, барышня.

Ах, какой он нахал! И лицо совсем не добродушное, а хитрое. Противная публика смеется еще больше. Господин в пенсне посмотрел, нахмурился и отвернулся. А товарищ все протягивает руку.

Ищу в кошельке еще керенку, и пальцы дрожат. Господи, все смеются надо мной, а я стою красная, красная. Протягиваю еще одну:

- Сдачи... сдачи у вас нет?

- Нет-с, барышня.

Противный! Он еще смеется. Щурит глаза и смеется.

- Нет, нет... ради Бога, возьмите... не надо сдачи.

Едем по Невскому. Какой он стал печальный, безлюдный. Милый, родной Невский. Говорят, люди умирают на ходу от голода. Господи, как же я-то буду жить? Очень голодает папа или нет?

Уже Николаевский мост. Вот Пятая линия. Сейчас, сейчас.

Звоню изо всей силы.

- Кто там?

Ах, какой сердитый, раздраженный голос! Это - Антонина. Наверное, она голодная. А я почти ничего не везу...